

Женщина и смерть

Итальянский театр современного балета в Петербурге

Мишу ван Хука, уже более двадцати лет назад обосновавшегося в Италии, сами итальянцы обожают как национальное достояние. В итальянской культуре хореограф занимает нишу, аналогичную той, что в мировом балете занимает Бежар. Искусство ван Хука дает повод к аналогиям. Его театр в таких же родственных отношениях с бежаровским, как английский балетный спектакль с советским драмбалетом. Родственный тип спектакля, тип зрелища, культурный объем, включаемый в пространство спектакля, танцевальный язык.

Спектакль "Мария Каллас" тоже наследует "шестидесятникам" хореографии. Постановщик задумал основной темой спектакля смерть. И обе они – великая певица и великая победительница – остаются за кадром. Здесь присутствует почти внеличное и вневременное – голос, совершенное бельканто. Картина пролога выглядит банальной – сценарист Симон Моресси затянул сцену в черные ткани, разбросал белые розы и зажег в глубине свечи. Получилось место для погребального ритуала. Банальность и пафос, как оказывается, не конфликтуют с возвышенным. Как не конфликтуют в оформлении цветовые контрасты: белого и черного, красных полос в черном пространстве сцены. Алый поток струящейся ткани оживает в одеянии актрисы, вознесенной на котурны. Пластика ткани трансформирует объем пространства и взаимодействует с пластикой тела. Костюмы выполнила Марелла Феррера, известный модный итальянский дизайнер, много ра-

ботающая и в театре. Ее любовь к имитации – практически стилизации природных материалов: фактуры и цвета камня или древесного листа – прищиплась здесь весьма кстати.

Спектакль представляет собой нечастый случай, когда действо, длящееся чуть больше часа, несет в себе глубокую смысловую нагрузку, сравнимую с эпопеей. Как у Жана Кокто, у Миши ван Хука в смерти нет отчаяния и безнадежности. Есть, может быть, ужас – но похожий на античный ужас Бакста – отстраненный и приемлющий. В действе возникают мотивы античности. И угадывается образ Медеи – колдуньи, одинокой и неотразимой женщины. Действие, порою замирающее на паузе-вдохе, разворачивается неумолимо и почти кинематографично.

Кажется, что актеры труппы в спектакле реализуют больше, чем позволяют их возможности. У ван Хука талант видеть в человеке не данность, а потенциал. Результат ли это обучения артистов в школе "Мудра" или собственный дар – не важно.

Ван Хук в этом спектакле – продолжатель. Продолжатель тех, с кем свела его жизнь, – Лелюша, Бежара, Пети, а также духа Авиньонского фестиваля. "Мария Каллас" оборачивается очень личным: смерть – это бессмертие. То, что остается после физического ухода. Человеческая сущность. Для нее и Невский проспект пролегает не только по хребту Петербурга, а где-то по позвоночнику мира.

Ирина ГУБСКАЯ



Сцена из спектакля

Рубрика — 2003 — 6-12-2003